

Натаниель Готорн

—

Алая буква

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г74

Nathaniel Hawthorne
THE SCARLET LETTER

Перевод с английского *Марии Николенко*

Литературный редактор *Марина Стрелетова*

Школа перевода
В. Баканова

Художественное оформление *Степана Костецкого*

Готорн, Натаниель.

Г74 Алая буква / Натаниель Готорн ; [перевод с английского М. Николенко]. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с. — (Яркие страницы).

ISBN 978-5-04-231168-0

Самый известный роман Натаниеля Готорна и его magnum opus. Это история запретной любви, раскрывающая нравы и образ жизни пуританского общества, обитателей Новой Англии середины XVII века. Сюжет «Алой буквы» по праву считается одним из самых драматичных и напряженных в литературе.

Юная англичанка Эстер вышла замуж за пожилого врача, с которым переселилась в Бостон. Вскоре ее муж отправился в путешествие и много лет не подавал о себе вестей. Оставшись одна, Эстер не смогла противостоять возникшим чувствам к молодому священнику... и родила от него ребенка. За свою любовь она стала отверженной, которая всю оставшуюся жизнь будет вынуждена носить на своем платье алую букву «А» — adulteress — прелюбодейка.

Повествование о слабой женщине, несущей свой «позор» с высоко поднятой головой, о ее бесконечной силе духа.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Николенко М., перевод на русский язык,
2026

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-231168-0

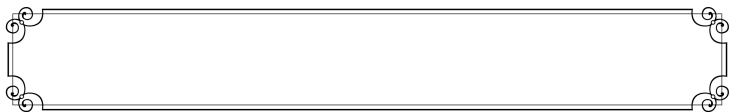

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Автора немало удивило и (если он может так сказать, никому не причинив новой обиды) позабыло то обстоятельство, что очерк бюрократической жизни, который он предпослал «Алой букве», произвел чрезвычайное волнение в уважаемом сообществе, составляющем его непосредственное окружение. Отклик не мог бы быть яростнее, даже если бы он, автор, сжег таможду и залил последние тлеющие угли кровью того почтенного лица, к которому он якобы пылает необъяснимой злобой. Имей он основания думать, что в самом деле заслуживает общественного порицания, оно было бы для него тяжким грузом, посему он тщательно перечел вступительные страницы с намерением изменить или вымарать все дурное и, сколько это возможно, возместить ущерб, причиненный зверствами, которые вменяются ему в вину. Однако он нашел, что если его очерк чем-то и примечателен, то лишь прямою, искренним благодушием и точно переданным впечатлением от изображаемых характеров. Никакая враждебность, личная или политическая, автором не руководила. Вероятно, вступление могло бы быть вовсе опущено без потери

для читателя и без ущерба для книги, но, коль скоро оно уже существует на бумаге, автор не может не признать, что написал его из самых добрых побуждений и так правдиво, как только сумел. Посему он вынужден вновь опубликовать вступительный очерк, не изменив в нем ни единого слова.

Сейлем, 30 марта 1850 г.

ТАМОЖНЯ

Введение к «Алой букве»

Примечательно, что, не будучи склонным много говорить о себе и своих делах в компании друзей у камина, я дважды испытал побуждение публично высказаться в автобиографическом ключе. Первый случай произошел три или четыре года тому назад, когда я, не имея ни малейшей причины, которую благосклонный читатель или назойливый автор мог бы воспринять как оправдание, описал мою жизнь в тиши поместья Олд-Мэнс¹. Поскольку я был тогда удостоен незаслуженного внимания одного-двух слушателей, я снова хватаю публику за пуговицу — на сей раз чтобы рассказать о трех годах, в продолжение которых я был таможенным чиновником. Знаменитый

¹ Олд-Мэнс (букв. Старый пасторский дом) — усадьба (ныне литературный музей), находящаяся в городе Конкорд (штат Массачусетс). Принадлежала семье писателя-трансценденталиста Ральфа Уолдо Эмерсона. Натаниэль Готорн и его жена, художница София Готорн, арендовали Олд-Мэнс с 1842 по 1845 г. Поместье описано в предисловии к сборнику рассказов «Мхи старой усадьбы» (*Mosses from an Old Manse*, 1846). — *Здесь и далее примеч. пер.*

«П. П., служитель сего прихода»¹ нашел в моем лице вернейшего последователя. Так или иначе, нельзя отрицать, что, предоставляя ветру уносить исписанные листы, всякий автор обращается не к тем многим, кто отбросит его книгу в сторону или же вовсе не пожелает взять ее в руки, но к тем весьма немногим, кто поймет его, как не каждый из товарищей по школе и жизни. Иные авторы заходят и того дальше, погружаясь в доверительные глубины такой откровенности, какая может быть уместна лишь в отношении одного-единственного всецело сочувственного ума и сердца. Тем самым писатель словно бы надеется, посылая напечатанную книгу в большой мир, найти ту отъединенную часть себя, слияние с которой восстановит полноту его существования. Как бы то ни было, говорить все, хоть даже безлично, едва ли благопристойно. Но поскольку без подлинной связи с аудиторией мысли и фразы цепенеют, нам простительно воображать, будто нас слушает друг — добрый и чуткий, пусть и не самый близкий. Когда его благожелательное присутствие растапливает нашу врожденную сдержанность, мы способны болтать об окружающих нас обстоятельствах и даже о самих себе, оставляя, однако, свое глубинное Я под покровом. Мне думается, что до такой степени и в таких пределах писатель может быть автобиографом, не нарушая ни читательских прав, ни собственных.

¹ Пародийные «Воспоминания П. П., служителя сего прихода» (*Memoirs of P. P., Clerk of this Parish*, 1714) были написаны одним из членов или совместно несколькими членами Кружка Мартина Писаки — литературного клуба, к которому принадлежали Джонатан Свифт, Александр Поуп, Джон Арбетнот, Джон Гей и др.

Следующее свойство, которое обнаружит этот очерк и которое всегда ценится в литературе, заключается в том, что он объясняет, каким образом предваряемые им страницы сделались моим достоянием, и тем самым доказывает подлинность излагаемого. Оно — это желание утвердить мое положение как редактора (или немногим большего, чем редактор) самой пространной повести настоящего тома¹ — и есть единственная подлинная причина, побудившая меня вступить в личные отношения с читателем. Стремясь ее достигнуть, я счел позволительным несколькими добавочными мазками передать в общих чертах тот образ жизни, который прежде не описывался, и тех людей, которые его вели. Мне самому случилось оказаться одним из них.

В моем родном городе Сейлеме есть порт. Во времена короля Дарби² он процветал, но теперь стоит, обремененный ветхими деревянными складами, печально вытянувшись и почти не выказывая признаков коммерческой жизни. Разве что барк или бриг выгрузит кожи или шхуна из Новой Шотландии выбросит топливную древесину. Полуразрушенный причал часто накрывает волнами прилива, а вокруг зданий, выстроившихся вдоль него, выросла чахлая трава — свидетельство многих лет бездеятельности. Такой не слишком

¹ Первоначально Натаниэль Готорн планировал опубликовать «Алую букву» в одном томе с другими произведениями, но издатель Джеймс Т. Филдс убедил его отказаться от этого плана, сделав роман более пространным. Предисловие оставили без изменений, снабдив необходимым примечанием.

² Элайес Хэскет Дарби (1739–1799) — влиятельный сейлемский купец, один из богатейших американцев своего времени. Вел торговлю с Китаем, Россией, Европой, Ост-Индией. Одна из улиц Сейлема до сих пор носит его имя.

бодрящий вид (на старый порт и противоположную сторону гавани) открывается из окон внушительного кирпичного здания, расположенного неподалеку. На его крыше каждое утро в продолжение трех с половиной часов, ни минутой больше, ни минутой меньше, в ветреную погоду реет, а в штиль вяло свисает с флагштока знамя республики с тринадцатью полосками, расположенными не горизонтально, а вертикально в знак того, что правительство дяди Сэма учредило здесь не военный, но гражданский пост. Фасад здания украшен балконом, опирающимся на деревянные колонны, от которых тянутся в сторону улицы широкие гранитные ступени. Над входом простер крылья на удивление крупный экземпляр американского орла со щитом перед грудью. В лапах, если память мне не изменяет, несчастная птица держит пучки молний и зазубренных стрел. Выказывая свойственный ему темперамент суровым изгибом клюва, яростным взором и свирепостью позы, животное словно бы угрожает безобидным обывателям: дескать, если они не хотят беды, им не следует вторгаться за порог, который это пернатое существо осеняет своими крылами. Многие тем не менее стремятся сюда, ища защиты у символа федерации и, вероятно, воображая, будто грудь американского орла тепла и мягка, как пуховая подушка, хотя в действительности он даже в наилучшем расположении духа не отличается нежностью и чаще рано, нежели поздно прогоняет своих птенцов ударом клюва или когтистой лапой, а то и наносит им гнойные раны зазубренными стрелами.

Мостовая вокруг описанного здания, именуемого портовой таможней, поросла травой, ибо в последнее время толпа движимых деловыми надобностями посетителей, которые могли бы ее вытоптать, заметно поре-

дела. Впрочем, в иные месяцы бывают утра, когда поток оживляется, напоминая пожилым горожанам о прежних временах. До последней войны с Англией Сейлем пользовался заслуженной славой крупного порта — не то что теперь. Сегодня даже здешние уроженцы, купцы и судовладельцы, презирают собственный город, позволяя его пристани разрушаться, меж тем как их капиталы ненужными и незаметными каплями вливаются в могучее море нью-йоркской и бостонской торговли. И так, в те утра, когда три или четыре корабля одновременно прибыли (обыкновенно из Африки или Южной Америки) или вот-вот отправятся (туда же), быстрые шаги вверх и вниз по гранитным ступеням таможни слышатся чаще. Прежде чем поприветствовать собственную жену, сюда спешит зарумяненный морским ветром капитан, держа под мышкой потускневшую жестяную коробку с документами. Сюда же приходит владелец судна, бодрый или унылый, милостивый или сердитый в зависимости от того, чем только что завершное плавание грозит для него обернуться: озолотится ли он или же окажется погребенным под грудой товаров, от которых никто не удосужится его избавить. Здесь же мы увидим зародыш будущего изборожденного морщинами и изношенного тревогами седобородого коммерсанта — бойкого юного клерка, который радуется вкусу прибыли, как волчонок вкусу крови, и уже пускается посредством хозяйских кораблей в коммерческие авантюры, хотя ему еще впору было бы пускать игрушечные лодочки в мельничном пруду. Кроме того, среди действующих лиц непременно окажется матрос, уходящий в дальнее плаванье и желающий выправить себе паспорт или же, напротив, только возвратившийся — бледный и слабый, ищущий места в госпитале. Не будем забы-

вать и капитанов маленьких ржавых шхун, привозящих древесину из британских провинций: одетые с ног до головы в просмоленную парусину и лишенные деловитого проворства, свойственного янки, они играют далеко не последнюю роль в нашей затухающей торговле.

Соберите всех этих индивидуумов, как они нередко собираются сами, добавьте для разнообразия еще кого-нибудь — и вот вам таможня в часы наибольшего оживления. Однако чаще, поднявшись по ступеням, вы увидите лишь солидные фигуры на старомодных стульях, задравших передние ножки и упершихся спинками в стену. Сидя в теплые дни у входа, а зимой или в дурную погоду в своих кабинетах, эти господа большей частью похрапывают, хотя иногда можно слышать, как они переговариваются: полусонными голосами и с той индифферентностью, которая присуща обитателям богаделен, а также всем прочим людям, чье существование поддерживается благотворительностью или чужим монополизированным трудом — чем угодно, но только не собственными усилиями. Эти пожилые джентльмены, занимающиеся, подобно Левию Матфею, сбором податей, однако отнюдь не склонные обременять себя апостольским служением, есть не кто иные, как таможенные чиновники.

Слева от входной двери расположена квадратная комната футов по пятнадцать в длину и ширину с высоким потолком. Два ее арочных окна выходят на вышеозначенную верфь, а третье — на узкий переулок, пересекающий Дарби-стрит. Из всех трех видны лавки бакалейщиков, блокарей, торговцев матросским платьем и судовых поставщиков, у дверей которых хохочут и сплетничают просоленные старые моряки и портовые крысы, роднящие любой приморский город с лондонским Уоппингом. В самой же комнате висит паутина, грязные стены

давно не крашены, пол усыпан серым песком (давний обычай, сохранившийся, пожалуй, только здесь). По неряшливости этого места можно заключить, что оно представляет собою некое святилище, куда женский пол со своими волшебными орудиями, метлой и тряпкой, допускается крайне нечасто. Обстановка же состоит из печи с внушительным дымоходом, старого соснового стола с трехногим табуретом, пары весьма шатких деревянных стульев и (не следует забывать о библиотеке) полка с несколькими десятками томов: актами Конгресса и сводом налоговых законов. Жестяная труба, тянущаяся по потолку, служит для голосового сообщения с другими частями здания. Именно здесь, в этой комнате, каких-нибудь полгода назад вы, многоуважаемый читатель, могли застать — расхаживающим из угла в угол или сидящим на длинноногом табурете, облокотясь о стол и водя взглядом по столбцам утренней газеты, — того самого субъекта, который приветствовал вас в усадьбе Олд-Мэнс, в своем уютном маленьком кабинете, куда солнце мягко просачивалось сквозь ивовые ветви. Теперь же, если вы явитесь сюда, на сейлемскую таможду, и спросите начальника¹-локофоко², вы его не найдете.

¹ Натаниэль Готорн возглавил таможду сейлемского порта в апреле 1846 г. и, будучи демократом, лишился этой должности после президентских выборов 1848 г., в результате которых к власти пришли виги.

² Локофоко, или «спичечная партия», — фракция Демократической партии США, существовавшая с 1835 г. до середины 1840-х и поддерживавшая 7-го президента Эндрю Джексона. Изначально именовалась Партией равных прав. Своим неофициальным названием обязана разновидности спичек: один из членов воспользовался ими, чтобы зажечь свечи и продолжить партийное заседание, которое оппоненты попытались прервать, погасив газовые лампы.

Он выметен метлой реформы, и нынче более достойный преемник занимает его должность и прикарманивает жалованье.

Старый город Сейлем — моя родина, где я, однако, подолгу отсутствовал как в мальчишеские, так и в зрелые годы, — обладает для меня особенной притягательностью, силу которой я не сознавал в те поры, когда там жил. В физическом отношении Сейлем представляет собой однообразное плоское пространство, застроенное преимущественно деревянными домами, ни один из которых не может претендовать на архитектурное изящество. Даже нерегулярностью своего плана город не живописен, не причудлив, а скучен: длинная ленивая улица устало тянется через весь полуостров от Висельного холма и места, называемого Новой Гвинеей, до богадельни. Таков мой родной Сейлем. Столь же разумным было бы с моей стороны сентиментальное чувство к клетчатой доске с абы как разбросанными по ней шахматами. И все же, хотя в любом другом месте мне неизменно живется лучше, я питаю к Сейлему нечто такое, что за неимением более подходящего слова вынужден назвать привязанностью. Вероятная причина — глубокие и старые корни, пущенные моей семьей в эту почву. Прошло почти два века с четвертью с тех пор, как первый переселенец, носивший мою фамилию, прибыл из Британии в окруженную лесами колонию, впоследствии ставшую городом. Его потомки рождались здесь и умирали, смешиваясь с этой почвой, так что теперь немалая часть ее родственна той брэнной оболочке, в которой мне суждено до поры до времени ходить по сейлемским улицам. Стало быть, моя привязанность носит отчасти сугубо материальный характер стремления праха к праху. Большинству моих соотече-

ственников оно неведомо, да им и незачем его знать, ибо частая пересадка, пожалуй, полезна для семейного древа.

Однако упомянутое мною чувство имеет также и духовную природу. Фигура предка, облеченная семейным преданием в покровы сумрачного величия, присутствовала в моем мальчишеском воображении, сколько я себя помню. Она до сих пор посещает меня, заставляя чувствовать некую сыновнюю связь с прошлым, меж тем как современное состояние города не внушает мне таких ощущений. Сейлем — мой дом не столько потому, что здесь живу я сам, чье имя звучит редко, а лицо известно немногим, сколько потому, что здесь жил он — суровый бородатый прародитель в черном плаще и островерхой шляпе, который прибыл сюда так давно, с Библией в одной руке и мечом в другой, и пошел по нетоптаным улицам торжественной поступью, чтобы сделаться значительным лицом в годы войны и мира. Будучи и солдатом, и законодателем, и судьей, и церковным правителем, он обладал всеми свойствами пуританина — как добрыми, так и дурными. Был он, кроме прочего, безжалостным преследователем инакомыслящих: квакеры в своих хрониках повествуют о том, как жестоко обошелся он с женщиной из их общины, и боюсь, что такая память переживет все совершенные им благие дела, хотя их было немало. Свое стремление преследовать и карать он передал сыну, чья роль в охоте на ведьм¹ настолько значительна, что он (мы можем

¹ Сейлемская охота на ведьм — ряд судебных процессов, проходивших в пуританском Сейлеме в 1692–1693 гг. Из более чем 200 обвиненных в колдовстве 19 человек (14 женщин и 5 мужчин) были повешены, один погиб под пытками и как минимум пятеро умерли от болезней в тюрьме.